

БЕЛГОРОД. Жертва вечерняя...

Эта премьера **Белгородского государственного академического драматического театра имени М.С. Щепкина** была встречена зрителями с повышенным вниманием и интересом. Второй спектакль, поставленный здесь **Семеном Спиваком** (режиссер **Мария Мирош**, художник **Дарья Горина**, музыкальное оформление **Владимира Бычковского**), как правило, не покидающим родной **Санкт-Петербургский молодежный театр на Фонтанке** (первым стала идущая с большим успехом уже несколько лет «Касатка» А.Н. Толстого), стал подлинным событием.

Роман **Ф.М. Достоевского «Идиот»** определен режиссером по жанру как «один день из жизни князя Мышкина», первый день прибытия князя из Швейцарии в Петербург. Именно этот день содержит, по мысли режиссера, все сложные, запутанные узлы гениального произведения, а потому и решен Семеном Спиваком стремительно, в резкой смене настроений и состояний персонажей, кажется, с пристальным вниманием к «Записным книжкам» писателя периода работы над «Идиотом» и — едва ли не главное! — с ненавязанной, неакцентированной, а словно возникающей сама собою мощной православной нотой. Эта нота властно ведет не к сегодняшнему, нередко показному, декларируемому церковничеству, а к тем глубоким сомнениям, что преследовали Федора Михайловича Достоевского всю жизнь.

Князь Христос, как называл своего героя писатель, явлен перед нами чистым и невинным ребенком. Живущий в этом образе **Дмитрий Беседа** появляется в начале спектакля прямо из зрительного зала и, проходя через него, смотрит на окружающих с улыбкой узнавания — вот они, люди его родины, на которую он вернулся после лечения в клинике. Как хочется скорее узнать, какие они, добрые или недобрые?.. Он поднимается на подмостки и перед ним начинает жить своей вымышленной жиз-

ню экран компьютера, на котором разворачиваются жестокие убийства, преследования. Князь Мышкин стоит спиной к зрительному залу, но кажется, что мы видим его недоумевающие, полные непонимания глаза. И в это время одна из створ экрана сдвигается — за ней возникает хор персонажей, поющий гимн «...Спит душа моя крепким сном давно...». И снова перед нами компьютерная игра, и снова сдвигается одна из створ, и один из поющих бросается удержать ее, не дать прервать пение.

Тогда возникает вагон поезда, на экране мелькают рельсы, слышен стук паровозных колес. Начинается действие романа.

Иволгин — А. Блискунов, князь Мышкин — Д. Беседа, генерал Епанчин — В. Бгавин

Сцена из спектакля

Замерзший до последней степени, укутанный поверх плаща в плед, князь Мышкин знакомится со своими попутчиками — мелким чиновником Лебедевым (**Дмитрий Евграфов** играет его крупно, едко, с язвительными интонациями человека, привыкшего как бы невзначай унижать и высмеивать тех, кто слабее) и Парфеном Рогожиным. С самых первых слов, еще до рассказа о встрече с Настасьей Филипповной и бегстве из дома от отца, Рогожин **Дмитрия Гарнова** буквально завораживает мощью своей личности — дремучей, страстной, непокорной, словно стихия. И на протяжении спектакля от него невозможно будет оторвать глаз, настолько сильна и страшна эта фигура в каждом своем движении, в своем немногословии, но предельной сосредоточенности в каждую минуту сценического существования. Разбойник, по библейскому толкованию, он и явлен таким...

Очень яркая и сильная труппа Белгородского театра еще раз продемонстрировала как индивидуальность каждого актера, так и мощь ансамбля: мы видим харак-

тер каждого, какая бы небольшая роль не принадлежала тому или иному исполнителю: Лизавета Прокофьевна Епанчина **Оксаны Бгвиной** — как беззаботно поет она вместе со своими дочерьми, как пристально всматривается в портрет Настасьи Филипповны, и за всем этим не только презрение к мужу, но и страх за судьбу старшей дочери, которую генерал Епанчин решил выдать за стареющего ловеласа Тоцкого (**Илья Васильев, Роман Рощин**). Еще до «характеристик» Мышкина, данных каждой из Епанчиных, мы по манере поведения и коротким репликам угадываем характеры почти бессловесных в тот миг Александры (**Нина Кранцевич**), Аделаиды (**Наталья Чувашова**), Аглаи (**Дарья Ковалевская**); как величествен и уверен в себе Епанчин **Виталия Бгвина** и — как поражен манерой держаться князя Мышкина: такого он уж точно никогда не видел. Пролит стакан воды, Мышкин берет из рук Гани Иволгина носовой платок, вытирает им стол, лужу на полу, затем свой лоб и пытается вер-

Князь Мышкин — Д. Беседа

нуть платок Гане, который брезгливо отмахивается от него. Тогда Мышкин, свернув платок в мокрый комок, кладет его в карман брюк и, оттопырив этот край, чтобы не промокнуть, непринужденно, с улыбкой садится на диванчик. И тщательно будет складывать, как, наверное, приучили в клинике и как учат детей, плед, шарф, плащ, сложив все аккуратной кучкой и водрузив сверху шляпу... Наблюдая с изумлением за всеми этими движениями, а затем увидев каллиграфический почерк Мышкина, генерал, кажется, искренне возрадуется за то, что сможет сделать доброе дело, определив это дитя в какое ни на есть ведомство...

И рядом — другой генерал — полубезумный Иволгин, блистательно, без какого бы то ни было перебора в патологии сыгранный **Иваном Кирилловым**.

В его порывах к любому человеку, появляющемуся в доме, столько эмоций ожидания, что его рассказы будут выслушаны с вниманием, столько расположенности,

что он вызывает смешанное чувство боли и щемящей жалости. Так же, как и его несчастная жена Нина Александровна (**Ирина Драпкина**), глаза которой постоянно полны ужаса от переживаемых унижений. Но, забыв свое достоинство, как судорожно бросается она вместе с дочерью Варварой (**Валерия Ерошенко**) подбирать мелочь, рассыпанную ворвавшимся в дом Рогожиным со своей «бандой», для купли Настасьи Филипповны!.. И как искренне, радостно реагирует она на такое простое предложение Настасьи Филипповны попить чаю, забыв о своем страхе перед будущим браком сына с этой женщиной.

Кстати, Семен Спивак однозначно отвечает на риторический вопрос князя Мышкина перед портретом Настасьи Филипповны: добра ли она? Для режиссера это несомненно, и **Вероника Васильева** сильно и страстно играет не женщину-вамп, ставшую привычной по театральным трактовкам, а поистине проживает «от» и «до» истрадавшуюся, искалеченную душу, жаж-

Рогожин — Д. Гарнов, Лебедев — Д. Евграфов

душую добра, гармонии и неспособную «погубить младенца», когда князь, получив наследство, предложит ей руку и сердце.

Можно продолжить перечень непервостепенных персонажей, которые явлены в спектакле ярко и интересно. Это и Фердыщенко (**Николай Ильдиряков**), в момент прихода князя в дом Иволгиных, словно червь, ползком, возникающий то с одной, то с другой стороны подмостков, а затем невидимо для Мышкина и впрямь вползающий в комнату. А затем, на вечеринке у Настасьи Филипповны, рисуясь, Фердыщенко расскажет о том, как украл три рубля, а горничную выгнали из дома, решив, что это сделала она. И в этот момент горничная, накрывающая на стол, уронит поднос со столовыми приборами, заставив зрителя задуматься о том, что именно с ней произошло когда-то давно это событие.

Горничных в спектакле три и хочется назвать их всех, потому что если у Епанчиных молодая и смешливая, не слитком вышколенная прислуга Мавра (**Татьяна Макарова**), то Настасье Филипповне до-

стались две ленивые, еле передвигающие ноги и засыпающие на ходу Паша (**Юлия Волкова**) и Катя (**Наталья Зуева**) — каждое их появление вызывает у зрителей смех, несмотря на напряженное внимание ко всему происходящему.

И подруга героини Дарья Алексеевна получилась у **Надежды Пахоменко** из тех, кого принято называть «не подруга, а змея», — уж такая приторно-ласковая, уж такая услужливая и заботливая, что фальшь ее так и бьет в глаза.

Есть еще Ганя Иволгин, сильно и сдержанно, очень точно сыгранный **Антоном Блискуновым**. В каждой из сцен-эпизодов он разный, чутко улавливающий атмосферу, остро реагирующий на ее малейшие колебания.

Атмосфера спектакля с поражающей точностью соответствует атмосфере романа Достоевского — стремительно меняющимся ритмом сцен, с переходами в темноте под снежной метелью, резко ломающимся состоянием героев, устремленностью к трагическому финалу пер-

Сцена из спектакля. В центре Настасья Филипповна — В. Васильева

вого дня князя Мышкина в Петербурге, о котором сын Н.С. Лескова писал в своих мемуарах, как о «самом нервном городе». Этот нерв больной, какой-то издерганной, извращенной жизни, подчиненной лишь наживе, присутствует в каждом эпизоде спектакля вплоть до того момента, когда Настасья Филипповна, задремавшая «во хмелю» на полу, положит руки на плечи мужиков из банды Рогожина, затем ноги — и ее унесут в пылающее нутро камина, в который она бросила деньги. Там, в красном зареве, она покажется распятой, эта Блудница поневоле, потому что превратится в Жертву Вечернюю. Жертву этого безумного мира, для которого ничего нет важнее денег. И все медленно войдут в это зарево вслед за ней, а перед князем Мышкиным створы затворятся, напомнив, что гимн о Жертве Вечерней поется перед открытыми царскими вратами, которые потом закрываются — перед ними остается Единный Безгрешный, не способный участвовать в делах тьмы.

Так происходит переход Ветхого Завета в Новый.

Но створы эти снова откроются, чтобы мы вновь услышали в финале гимн «Пробудись, душа...», обращенный к каждому из нас. И, судя по реакции зала, каждый из зрителей понял: какую телеграмму послали им на этот раз режиссер и театр...

P.S. Мне посчастливилось увидеть этот спектакль дважды — на генеральном прогоне с публикой и на официальной премьере. На прогоне артисты выложились настолько, что смотреть на них, собравшихся на обсуждение, было тяжело. Да и на режиссере, что называется, лица не было после напряжения последних репетиционных дней. От Семена Стивака ждали каких-то слов. Он поблагодарил труппу и сказал: «Я понимаю, как вы все устали, я бесконечно благодарен вам, но у меня есть одна просьба: давайте останемся на 15 минут, надо уточнить еще одну сцену...»

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото предоставлены театром